

Кропоткин Петр Алексеевич

Современная наука и анархизм

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
ПЗ0

ПЗ0 **Петр Алексеевич К.**
Современная наука и анархизм / Кропоткин Петр Алексеевич – М.: Книга по Требованию,
2023. – 48 с.

ISBN 978-5-519-91227-3

ISBN 978-5-519-91227-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ставшей стѣснительною, они стремились создать новую,—общая, что она будетъ держать близко къ сердцу интересы народа и станетъ представительницею самого народа. Такъ, между прочимъ, создавалась власть кесаря въ императорскомъ Римѣ, церковная власть въ первые вѣка послѣ паденія Римской имперіи, власть диктаторовъ въ эпоху упадка средневѣковыхъ городовъ-республикъ; этимъ же теченіемъ пользовались королевская и царская власть къ концу феодальнаго періода. Вѣра въ императора-народника (цезаризмъ) не угасла даже до сихъ поръ.

Но въ то же время всегда намѣчалось и другое теченіе. Во всѣ времена, начиная съ древней Греціи, появлялись личности и направленія, стремившіяся не къ замѣнѣ одной власти другою, а къ уничтоженію власти, наслѣвшей на общественныя учрежденія. Они провозглашали верховныя права личности и народа и стремились освободить народныя учрежденія отъ чуждой и враждебной имъ силы—съ тѣмъ, чтобы свободное народное творчество могло перестроить вновь эти учрежденія, согласно новымъ потребностямъ. Въ исторіи древне-греческихъ, а въ особенности средне-вѣковыхъ городовъ-республикъ, мы находимъ множество поразительныхъ примѣровъ этой борьбы (Флоренція и Псковъ особенно любопытны въ этомъ отношеніи). Въ этомъ смыслѣ, слѣдовательно, якобинцы и анархисты также существовали во всѣ времена среди реформаторовъ и революціонеровъ.

Въ прошлые вѣка, бывали даже громадныя народныя движенія этого послѣдняго характера. Многія тысячи людей поднимались тогда противъ государственнаго начала—его орудій, суда и законовъ—провозглашали верховныя права человѣка. Отрицая всѣ писанные законы, эти движенія стремились основать новое общество на началахъ равенства и труда и на управленіи каждаго своею собственною совѣстью. Въ христіанскомъ движеніи, начавшемся въ Іудеѣ, въ правленіе Юлія Кесаря,—противъ римскаго закона, римскаго государства и римской нравственности (или, вѣрнѣе, безнравственности),—несомнѣнно было въ основѣ много анархическаго. Только понемногу выродилось оно въ Церковное движеніе, по образцу древне-еврейской Церкви и самаго Рима, которое убило анархическую закваску, приняло римскія государственныя формы и стало со временемъ главнымъ оплотомъ государственной власти, рабства и угнетенія.

Точно также въ движеніи анабаптистовъ, которое, въ сущности, и положило начало Реформаціи, было много анархическаго. Но, раздавленное тѣми изъ реформаторовъ, которые, подъ руководствомъ Лютера, сошлись съ князьями противъ возставшихъ крестьянъ, оно заглохло послѣ кровавыхъ расправъ

надъ крестьянами и горожанами. Тогда правое крыло реформаторовъ выродилось понемногу въ ту сдѣлку со своей совѣстью и съ государствомъ, которая существуетъ теперь подъ именемъ протестантизма.

Повторяя вкратцѣ сказанное, — анархизмъ ведетъ, слѣдовательно, свое происхождение изъ созидательной, творческой народной дѣятельности, которою вырабатывались въ прошломъ всѣ учрежденія общежитія, и изъ протеста—изъ возстанія личности и народовъ противъ насѣвшей на эти учрежденія, чуждой имъ, силы; того протеста, въ которомъ возставшіе стремились дать снова просторъ творческой народной дѣятельности съ тѣмъ, чтобы она могла проявиться съ новою силою для выработки нужныхъ учреждений.

Въ наше время, анархизмъ родился изъ того же протеста—критическаго и революціонернаго,—изъ котораго родился весь социализмъ. Только часть социалистовъ, дойдя до отрицанія капитала и общественнаго строя, основаннаго на порабоженіи работника капиталистомъ, остановилась на этомъ. Она не возстала противъ главнаго, по нашему мнѣнію, оплота капитала—государства—и главныхъ его оплотовъ: объединенія власти, закона (писаннаго меньшинствомъ на пользу меньшинства) и суда, установленнаго главнымъ образомъ для защиты власти и капитала. Анархизмъ же не остановился въ своей критикѣ передъ этими учрежденіями. Онъ поднялъ свою святотатственную руку не только противъ капитала, но и противъ этихъ оплотовъ капитализма.

II.

Но если анархизмъ, подобно всѣмъ другимъ революціоннымъ направленіямъ, зародился среди народа—въ борьбѣ, а не въ кабинетѣ ученаго, — то, тѣмъ не менѣе, важно знать, какое мѣсто занимаетъ онъ среди различныхъ научныхъ и философскихъ теченій мысли, существующихъ въ настоящее время; какъ онъ къ нимъ относится; на которое изъ нихъ онъ преимущественно опирается; какимъ методомъ пользуется онъ, чтобы обосновать и подкрѣпить свои выводы? Другими словами—къ какой школѣ философіи права онъ принадлежитъ, и съ какимъ изъ нынѣ существующихъ направленій въ наукѣ онъ выказываетъ наибольшее сродство?

Для русской молодежи, непомѣрно увлекавшейся за послѣднее время экономической метафизикою, такой вопросъ, вѣроятно, представить нѣкоторый интересъ, и я постараюсь товѣтить на него, по мѣрѣ силъ,—коротко и ясно, и, по возможности, избѣгая мудреныхъ словъ тамъ, гдѣ ихъ можно избѣжать.

Умственное движеніе нашего вѣка ведетъ свое начало отъ

шотландскихъ и французскихъ философовъ середины и конца восемнадцатаго вѣка. Всеобщій подъемъ мысли, начавшійся въ ту пору, привелъ этихъ мыслителей къ желанію охватить всѣ человѣческія знанія въ одной общей системѣ. Отбросивъ царившую до тѣхъ поръ средне-вѣковую схоластику и метафизику, они рѣшились взглянуть на всю природу—на звѣздный міръ, на жизнь нашей солнечной системы и нашей планеты, на развитіе животнаго міра и человѣческихъ обществъ—какъ на явленія, подлежащія естественно-научному изслѣдованію.

Широко пользуясь истинно-научнымъ индуктивно-дедуктивнымъ методомъ, они приступали къ изученію всякой группы явленій—будь ли то изъ міра звѣздъ, или изъ міра животныхъ, или изъ міра человѣческихъ вѣрованій и учреждений—такъ, какъ приступаетъ естествоиспытатель къ изученію любого физическаго вопроса. Они тщательно изучали явленія и свои обобщенія строили путемъ наведенія (индукціи). Дедуктивнымъ путемъ они доходили до нѣкоторыхъ предположеній (гипотезъ); но они смотрѣли на нихъ такъ, какъ смотрѣлъ, напримѣръ, Дарвинъ на свое предположеніе о закрѣпленіи новыхъ видовъ путемъ борьбы за существованіе, или—какъ Менделѣевъ смотритъ на свой „періодическій законъ“. Они видѣли въ нихъ предположенія, удобныя для группировки фактовъ и ихъ дальнѣйшаго изученія, но подлежащія провѣркѣ индуктивнымъ путемъ и становящіяся законами (доказанными обобщеніями) только тогда, когда они выдержатъ эту провѣрку и послѣ того, какъ причины законмѣрности будутъ выяснены.

Когда центръ философскаго движенія перешелъ изъ Шотландіи и Англіи во Францію, то французскіе философы, со свойственнымъ имъ чувствомъ стройности, взялись за систематическую перестройку всѣхъ человѣческихъ знаній—естественно-научныхъ, историческихъ—на тѣхъ же началахъ. Отсюда родилась попытка построить общественное знаніе—философію—всего міра и всей его жизни въ стройной научной формѣ, отбрасывая всякія метафизическія построенія и объясняя всѣ явленія дѣйствіемъ тѣхъ же физическихъ, то-есть механическихъ силъ, которыя оказались достаточными для объясненія возникновенія и развитія Земного Шара.

Говорятъ, что въ отвѣтъ на замѣчаніе Наполеона I-го Лапласу, что въ его „Системѣ Міра“ нигдѣ не упоминается богъ, Лапласъ отвѣтилъ: „Я не нуждался, въ этой гипотезѣ“. Но Лапласъ не нуждался не только въ этомъ предположеніи: онъ не почувствовалъ надобности прибѣгнуть и къ метафизическимъ словамъ, за которыя прячется туманное непониманіе явленій и неспособность представить ихъ въ конкретной, вещественной формѣ, въ видѣ измѣримыхъ величинъ. Онъ обошелся безъ метафизики. И хотя въ его „Изложеніи Системы Міра“

нѣтъ метафизическихъ выкладокъ, и написана она такъ просто, что доступна каждому образованному читателю, — математики смогли выразить въ послѣдствіи каждую отдѣльную мысль этой книги въ видѣ точныхъ математическихъ уравненій, — то есть въ отношеніяхъ измѣримыхъ величинъ. До того точно и строго мыслилъ и выражался Лапласъ.

Точно также отнеслись французскіе философы восемнадцатаго вѣка и къ явленіямъ духовнаго міра. У нихъ вовсе не встрѣчается такихъ метафизическихъ утвержденій, какія мы встрѣчаемъ, напримѣръ, у Канта. Кантъ, какъ извѣстно, объяснялъ нравственное чувство человѣка „категорическимъ императивомъ, который можетъ стать всеобщимъ закономъ“. Но здѣсь, что ни слово, то подставленіе нѣкоего туманнаго, непонятнаго представленія (императивъ, категорическій, законъ, всеобщій) на мѣсто того вещественнаго факта, который требуется объяснить. Французскіе же энциклопедисты, также какъ и ихъ англійскіе предшественники, пытаясь объяснить, откуда въ человѣкѣ берется понятіе о добрѣ и злѣ, не подставляли „словечка тамъ, гдѣ понятія плохуютъ“, какъ выразился Гете. Они брали человѣка, — живого, какой онъ есть. Они изучали его и находили, какъ это сдѣлалъ Хэтчесонъ (1725), а за нимъ Адамъ Смитъ, въ своемъ лучшемъ сочиненіи, „О происхожденіи нравственности“, — что нравственныя понятія развивались въ человѣкѣ изъ чувства сожалѣнія (симпатіи), изъ его способности отождествлять себя съ другими, изъ того, что мы почти чувствуемъ боль, когда при насъ бьютъ ребенка, и возмущаемся этимъ. Изъ такихъ простыхъ наблюденій надъ обще-извѣстными фактами, доходили они постепенно до самыхъ широкихъ обобщеній. Такимъ образомъ, они дѣйствительно объясняли сложное нравственное чувство болѣе простыми фактами, а не подставляли на мѣсто понятныхъ, извѣстныхъ намъ фактовъ нравственнаго чувства, непонятныя, туманныя и ничего необъясняющія слова, въ родѣ „категорическаго императива“ или „всеобщаго закона“. Польза такого приема очевидна. На мѣсто „внушенія свыше“ и внѣ-человѣческаго, чудеснаго происхожденія нравственности являлось вынесенное человѣкомъ изъ опыта и унаслѣдованное чувство симпатіи, жалости, усовершенствованное въ послѣдствіи дальнѣйшимъ наблюденіемъ общественной жизни.

Переходя отъ міра звѣздъ и физическихъ явленій къ міру химическихъ преобразованій, или отъ физики и химіи — къ жизни растений и животныхъ, а затѣмъ и къ развитію экономическихъ и политическихъ формъ общежитій и религій, — мыслители восемнадцатаго вѣка не мѣняли своего приема (метода) изслѣдованій. Они прилагали ко всѣмъ областямъ знанія все тотъ же индуктивный методъ. И такъ какъ, даже въ области

нравственныхъ понятій они не находили той точки, гдѣ бы этотъ пріемъ оказался несостоятельнымъ и гдѣ пришлось бы поневолѣ прибѣгнуть либо къ метафизическимъ представленіямъ (богъ, безсмертная душа, жизненная сила, категорическій императивъ, вдохнутый свыше и тому подобное), либо къ замѣнѣ индуктивнаго метода какимъ-нибудь другимъ, схоластическимъ методомъ,—они весь міръ, всѣ его явленія пытались объяснить тѣмъ же естественно-научнымъ путемъ. Энциклопедисты составляли свою монументальную энциклопедію, Лапласъ писалъ свою „Систему міра“, а Гольбахъ—„Систему природы“; Лавуазье выступалъ съ неистребимостью вещества, а слѣдовательно и энергіи — движенія; Ломоносовъ въ то же время набрасывалъ механическую теорію теплоты; Ламаркъ брался за объясненіе происхожденія новыхъ видовъ путемъ накопленія физическихъ измѣненій, въ зависимости отъ среды; Дидро давалъ объясненіе нравственности, обычаевъ и религій, чуждое всякихъ внушеній извнѣ; Руссо пытался объяснить зарожденіе политическихъ учрежденій путемъ договора, т.-е. акта человѣческой воли... Словомъ, не было области, которой они не начали бы разрабатывать на почвѣ вещественныхъ явленій — все тѣмъ же естественно-научнымъ методомъ.

Конечно, въ этой смѣлой попыткѣ были сдѣланы и нѣкоторые крутые промахи. Тамъ, гдѣ не хватало знаній, высказывались предположенія иногда очень смѣлыя, а иногда и совершенно ошибочныя. Но новый методъ былъ приложенъ къ разработкѣ всѣхъ отраслей знанія, и, благодаря ему, самыя ошибки легко были открыты и указаны впослѣдствіи. И тѣмъ самымъ, и нашему вѣку, девятнадцатому, было завѣщено орудіе изслѣдованія, которое дало намъ возможность построить все наше міросозерцаніе на научныхъ началахъ, освободивъ его, какъ отъ завѣщаемыхъ намъ суевѣрій, такъ и отъ привычки отдѣлываться отъ научныхъ вопросовъ туманными словами.

Послѣ пораженія французской революціи начинается всеобщая реакція: въ политикѣ, въ наукѣ, въ философій.

Конечно, основныя начала Великой Революціи не погибли. Освобожденіе крестьянъ и горожанъ отъ крѣпостной зависимости, равенство передъ закономъ и представительное (конституціонное) правленіе, провозглашенныя революціею, стали медленно пролагать себѣ путь въ жизни во Франціи и внѣ ея. Послѣ революціи, провозгласившей великія начала свободы, равенства и братства, началась медленная эволюція, т.-е. медленное преобразованіе, которое проводило въ жизнь и въ законы начала, намѣченныя, но только ~~области~~ осуществленныя Революціею. (Такое осуществленіе эволюціи началъ, провозглашенныхъ предыдущею революціею, можно даже признать закономъ

развитія обществъ). Хотя Церковь, Государство и даже Наука начали топтать въ грязь то знамя, на которомъ революція начертала „Свобода, равенство и братство“, хотя примиреніе съ существующимъ и стало на время всеобщимъ лозунгомъ; но начала свободы все-таки проводились понемногу въ жизнь. Крѣпостныя отношенія, уничтоженныя республиканскими арміями въ Италіи и Испаніи, были, правда, возстановлены; возродилась даже инквизиція. Но имъ уже нанесенъ былъ смертный ударъ — и они погибли. Волна освобожденія отъ крѣпостного ига дошла сперва до западной, а потомъ и до восточной Германіи и разлилась по полуостровамъ; идя медленно на востокъ, она достигла Россіи въ 1861 г. и Балканскаго полуострова въ 1878 г. Рабство исчезло въ Америкѣ въ 1863 г. Въ то же время идеи равенства всѣхъ гражданъ передъ закономъ и представительнаго правленія распространились тоже волною съ запада на востокъ, и къ концу столѣтія одна только Россія осталась подъ игомъ надтреснутаго, впрочемъ, самодержавія.

* * *

Съ другой стороны, на рубежѣ восемнадцатаго и девятнадцатаго вѣка уже провозглашены были идеи экономическаго освобожденія. Годвинъ въ Англіи выступилъ въ 1793 г. со своимъ, по истинѣ замѣчательнымъ, сочиненіемъ — „Изслѣдованіе политической справедливости и ея вліянія на общую нравственность и счастье“, гдѣ онъ являлся первымъ теоретикомъ безгосударственнаго социализма, т.-е. анархизма; а Бабѣфъ, — въ особенности, повидимому, подъ вліяніемъ Буонаротти, выступилъ въ 1796 г. первымъ теоретикомъ централизованнаго государственнаго социализма.

Затѣмъ, разрабатывая начала, намѣченныя уже въ прошломъ вѣкѣ, появляются Фурье, Сень-Симонъ и Робертъ Оуэнъ — три основателя современнаго социализма, въ трехъ главныхъ его школахъ, — а въ сороковыхъ годахъ Прудонъ, незнакомый съ Годвиномъ, сызнова кладетъ основы анархизма.

Научныя основы государственнаго социализма были такимъ образомъ положены, — съ полнотою, вовсе неощущенною нашими современниками — въ началѣ девятнадцатаго вѣка. Въ двухъ только пунктахъ, несомнѣнно весьма важныхъ, современный социализмъ сдѣлалъ крупный шагъ впередъ. Онъ сталъ революціоннымъ и порвалъ связь съ христіанскою религіею. Онъ понялъ, что для осуществленія его идеаловъ нужна Соціальная Революція — и не въ томъ смыслѣ, въ какомъ говорятъ иногда о „промышленной революціи“ или о „революціи въ наукахъ“, но въ точномъ, вещественномъ смыслѣ слова „Революція“, — въ смыслѣ ломки коренныхъ основъ нынѣшняго общества. И онъ пересталъ путать свои воззрѣнія съ мечтательно.

реформаціонными воззрѣніями христіанской религіи. Но это послѣднее было сдѣлано уже Годвиномъ и Р. Оуэномъ. Что же касается до поклоненія передъ сосредоточенною властью и до возвеличенія подчиненности (дисциплины), которымъ человечество исторически обязано, больше всего, средне-вѣковой церкви и церковному правленію вообще, — то эти „переживанія“ до сихъ поръ еще удержались среди массы социалистовъ, которые, такимъ образомъ, еще не дошли до уровня своихъ двухъ англійскихъ родоначальниковъ.

* * *

О томъ, какое вліяніе реакція, начавшаяся послѣ великой революціи оказала на развитіе наукъ, трудно было бы говорить въ этомъ очеркѣ *). Достаточно будетъ сказать, что большая часть того, чѣмъ гордится современная наука, было уже намѣчено, и болѣе чѣмъ намѣчено — высказано иногда въ опредѣленной научной формѣ еще въ концѣ восемнадцатаго вѣка. Механическая теорія теплоты и неистребляемость движенія (сохраненіе энергіи), измѣняемость видовъ путемъ вліянія окружающей среды, фізіологическая психологія, антропологическое пониманіе исторіи, религій и законодательствъ, законы развитія мышленія — однимъ словомъ, все механическое міросозерцаніе и синтетическая философія (философія, охватывающая всѣ физическія, химическія, жизненные и общественныя явленія, какъ одно цѣлое) были уже намѣчены и отчасти установлены въ прошломъ вѣкѣ.

Но, съ наступившею реакціею, въ продолженіе цѣлаго полу-вѣка, этимъ открытіямъ не даютъ хода; ихъ держатъ подъ спудомъ. Ученые замалчиваютъ ихъ, или объявляютъ „ненаучными“. Подъ предлогомъ „изученія фактовъ“ и „накопленія научнаго матерьяла“, даже такія точныя измѣренія, какъ опредѣленіе механической силы, потребной для полученія даннаго количества тепла (опредѣленіе Мейеромъ механическаго эквивалента теплоты), отвергаются учеными. Англійская академія наукъ отказывается даже напечатать изслѣдованіе Джоуля потому, что „оно ненаучно“. Замѣчательныя же работы Грове, сдѣланныя въ 1843 году надъ единствомъ физическихъ силъ, остаются вплоть до 1856 года безъ всякаго вниманія. Только знакомясь съ исторіею точныхъ наукъ за это пятидесятилѣтіе, можно понять густоту мрака, нависшаго тогда надъ Европою.

Завѣса была порвана сразу, въ концѣ пятидесятихъ годовъ, когда въ западной Европѣ началось то либеральное умственное движеніе, которое привело у насъ, въ Россіи, къ унич-

*) Кое-что въ этомъ направленіи изложено въ моей (англійской) лекціи „О научномъ развитіи въ XIX вѣкѣ“.

тоженію крѣпостного права, кнута и шпицрутенонъ, въ философіи низвергло Шеллинга и Гегеля, а въ жизни породило смѣлое отрицаніе умственного рабства и поклоненія передъ авторитетами и обычаемъ, извѣстное подъ именемъ нигилизма.

Любопытно замѣтить при этомъ—насколько социалистическія ученія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, а также революція 1848 года, помогли наукѣ сбросить съ себя путы, наложенныя на нее послѣ-революціонною реакціею. Не вдаваясь здѣсь въ подробности, достаточно сказать, что вышепомянутый Сегенъ и Огюстенъ Тьерри (историкъ, положившій начало изученію вѣчевого строя и федерализма) были Сенъ-Симонисты; что сподвижникъ Дарвина, А. Р. Уоллэсъ, былъ въ молодости горячій послѣдователь Роберта Оуэна; что Огюстъ Контъ былъ Сенъ-Симонистъ, а Рикардо и Бентамъ—Оуэнисты; и что матерьялисты Карлъ Фохтъ и Люисъ, а также Милль, Грове и Спенсеръ и многіе другіе пережили вліяніе освободительнаго радикально-социалистическаго движенія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Свою научную смѣлость они почерпнули изъ этого вліянія.

Одновременное появленіе трудовъ Грове, Джоуля, Бертело и Гельмгольца, Дарвина, Клода Бернара, Молешотта и Фохта, Ляйелля, Бэна, Милля и Бюрнуфа въ короткій пятилѣтній промежутокъ 1856—1862, въ корень измѣнило самыя основныя воззрѣнія науки. Наука сразу рванулась на новый путь. Цѣлыя новыя отрасли изслѣдованія создались съ поразительной быстротой. Наука о жизни (біологія), о человѣческихъ учрежденіяхъ (антропологія), о разумѣ, волѣ и страстяхъ (психологія), объ исторіи права и религіи, и такъ далѣе, выросли на нашихъ глазахъ, поражая умъ смѣлостью своихъ обобщеній и дерзостью своихъ выводовъ. То, что въ прошломъ вѣкѣ было только геніальною догадкою, являлось теперь, доказанное вѣсами и микроскопомъ, провѣренное на тысячахъ приложеній. Самая манера писать измѣнилась, и наука вернулась къ ясности, точности и красотѣ изложенія, которыя свойственны индуктивному методу и которыми отличались тѣ изъ мыслителей восемнадцатаго вѣка, кто порвалъ съ метафизикою.

Предсказать, по какому пути пойдетъ наука въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи—конечно невозможно. Покуда ученые будутъ зависѣть отъ богатыхъ людей и отъ правительствъ, они неизбежно будутъ подчиняться ихъ давленію. А потому они, конечно, могутъ опять, на время, затормозить развитіе знаній. Но несомнѣнно одно: въ наукѣ, какъ она складывается теперь, уже нѣтъ надобности ни въ гипотезѣ, въ которой не нуждался Лапласъ, ни въ метафизическихъ „словечкахъ“, надъ которыми смѣялся Гете. Книгу природы, книгу органической жизни и книгу развитія человѣчества уже можно читать, не

прибѣгая ни къ силѣ творца, ни къ мистической „жизненной силѣ“, ни къ бессмертной душѣ, ни къ Гегелевской трилогіи, ни къ одаренію отвлеченныхъ символовъ реальной жизнью. Явленія механическія, въ своей постоянно-возрастающей сложности, достаточны для объясненія природы и всей органической и общественной жизни.

Многое, очень многое въ мірѣ намъ еще неизвѣстно, темно и непонятно; и такіе неясные для насъ пробѣлы будутъ открываться все новые и новые, по мѣрѣ того, какъ старые будутъ заполняться. Но мы не знаемъ, и не видимъ возможности открытія какой-нибудь такой области, гдѣ бы тѣ простыя явленія, которыя мы наблюдаемъ при паденіи камня, при ударѣ двухъ билліардныхъ шаровъ, или при химическомъ измѣненіи — явленія механическія — оказались бы недостаточны для объясненія.

III.

Естественно, что, какъ только наука могла дойти до такихъ обобщеній, въ ней должна была зародиться мысль о синтетической философіи; т.-е. о такой философіи, которая, не разсуждая болѣе о „сущностяхъ“, о „мировой идеѣ“, о „назначеніи жизни“ и тому подобныхъ символахъ, и отказавшись отъ очеловѣченія природы (антропоморфизаціи), представила бы собою сводъ и объединеніе всѣхъ нашихъ знаній; о философіи, однимъ словомъ, которая, восходя отъ простаго къ сложному, давала бы ключъ къ пониманію всей природы, во всей ея жизни, и тѣмъ самымъ дала бы орудіе и вѣрное средство изслѣдованія того, чего мы еще не знаемъ, и для открытія соотношеній (такъ-называемыхъ законовъ), нами еще неоткрытыхъ, а также увѣренность въ справедливости нашихъ заключеній, какъ бы они ни расходились съ ходячими предразсудками.

Такія попытки синтетической философіи дѣлались нѣсколько разъ въ девятнадцатомъ вѣкѣ; но наиболѣе широкое значеніе имѣютъ попытки Огюста Конта и Герберта Спенсера. На нихъ мы должны будемъ остановиться.

Какъ показалъ Вл. Соловьевъ въ прекрасной статьѣ объ Огюстѣ Контѣ (въ Энциклопедическомъ Словарѣ), „необходимость такой философіи была признана еще въ восемнадцатомъ вѣкѣ, — экономистомъ и мыслителемъ Тюрго, и впоследствии еще яснѣе — Сентъ-Симономъ. Мало того, какъ уже было замѣчено выше, къ осуществленію ея уже приступали энциклопедисты, а также и Вольтеръ, въ своемъ „Философскомъ Словарѣ“. Въ болѣе строгой, научной формѣ, которая удовлетво-

ряла бы требованіямъ точныхъ наукъ, за нее взялся теперь Контъ.

Что Контъ прекрасно выполнилъ свою задачу по отношенію къ точнымъ наукамъ; что онъ былъ правъ, введя науку о жизни вообще (біологію) и о человѣческихъ обществахъ (соціологію) въ кругъ наукъ, охватываемыхъ его позитивною философіею; и что наконецъ его философія оказала громадное вліяніе на всѣхъ ученыхъ и мыслящихъ людей девятнадцатаго вѣка—хорошо извѣстно.

Но отчего же, спрашиваютъ себя всѣ изучающіе Конта, великій философъ оказался такъ слабъ, едва только взялся въ своей „Позитивной Политикѣ“ за изученіе человѣческихъ учрежденій, особенно современныхъ? Какимъ образомъ могъ такой широкій, положительный умъ дойти до той религіи, которую Контъ проповѣдывалъ въ концѣ своей жизни? Литтре и Милль, какъ извѣстно, даже отказываются признать Контовскую „Политику“ за часть его философій и считаютъ ее плодомъ ослабѣвавшаго уже ума; другіе же тщетно стараются отыскать единство метода въ обоихъ сочиненіяхъ.

А между тѣмъ, противорѣчіе между обоими сочиненіями Конта въ высшей степени характерно и проливаетъ яркій свѣтъ на запросы нашего времени.

Когда Контъ закончилъ свой Курсъ Позитивной Философій, онъ несомнѣнно долженъ былъ замѣтить, что его философія еще не коснулась самаго главнаго,—именно, происхожденія въ человѣкѣ нравственнаго начала и вліянія этого начала на человѣческую жизнь. Ему требовалось выяснить происхожденіе этого начала, объяснить его тѣми же явленіями, которыми онъ объяснялъ жизнь вообще, показать почему человѣкъ чувствуетъ потребность повиноваться своему нравственному чувству, или, по крайней мѣрѣ, считаться съ нимъ. Но на это у него не хватило ни знаній (въ то время, когда онъ писалъ, оно и понятно), ни смѣлости. Тогда, онъ взялъ бога, понимаемаго религіями, какъ кумиръ, которому надо поклоняться и молиться, чтобы быть нравственнымъ, и на его мѣсто поставилъ Человѣчество, съ прописною буквою. Этому новому кумиру онъ велѣлъ молиться, чтобы развивать въ себѣ нравственное начало. Но разъ этотъ шагъ былъ сдѣланъ, разъ поклоненіе чему-то стоящему внѣ и выше личности было признано необходимымъ для того, чтобы удержать человѣка на нравственной стезѣ,—все остальное вытекало само собою. Даже обрядность контовской религіи сложилась совершенно естественно, по образцу всѣхъ предшествовавшихъ положительныхъ религій.

Разъ Контъ не допустилъ, что все, что есть нравственнаго въ человѣкѣ, выросло изъ наблюденія природы и изъ самихъ условій сожителства людей, разъ онъ не призналъ, что